

1 Сентября.

№ 17

X годъ

№ 17

1899 года.

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СУНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цѣна годоваго изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ, 3 р., съ доставкой въ С.-Петербургъ и пересылкою во всѣ города Имперіи. За пересылку за границу добавляется къ подписной цѣнѣ 2 руб. Подписка въ разсрочку не допускается.

Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства, С.-Петербургъ, Воскресенскій проспектъ, дому № 18-й.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

Согласно пункту 5 **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденаго Положенія объ управленіи церквами и духовенствомъ военнаго и морскаго вѣдомства, по сношенію съ г. Военнымъ Министромъ, отправляясь съ 20 августа по 20 сентября текущаго 1899 г. для обозрѣнія подвѣдомыхъ церквей Варшавскаго военнаго округа, на время моего отсутствія изъ Петербурга исполненіе обязанностей Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства возлагаю на Предсѣдателя въ Правленіи при Протопресвитерѣ о. протоіерея церкви генеральнаго и главнаго штаба Григорія Словцова.

П Р И К А З А Н І Е

войскамъ Варшавскаго военнаго округа.

№ 140.

23 мая 1899 года.

Въ разъясненіе вопроса о томъ, какимъ порядкомъ слѣдуетъ руководствоваться при представленіи чиновъ военнаго вѣдомства за ихъ службу по должностямъ *старостъ и ктиторовъ* военныхъ церквей, Главный Штабъ отзывомъ отъ 8-го сего мая за № 21622 разъяснилъ, что ходатайства о награжденіи такихъ военныхъ чиновъ орденами слѣдуетъ включать въ общую норму наградъ по округу, если командующій войсками признаетъ этихъ чиновъ достойными награды и по прямой ихъ службѣ въ частяхъ войскъ. По ходатайствамъ-же о награжденіи таковыхъ чиновъ золотыми медалями безъ лентъ, согласно 729 ст. I т. Учр. Орд. и др. зн. отл. изд. 1892 года, слѣдуетъ входить съ особымъ представленіемъ въ Главный Штабъ.

Подписаль: Начальникъ Штаба,

генераль-лейтенантъ *Пузыревскій*.

П Р И К А З А Н І Е

войскамъ Варшавскаго военнаго округа.

№ 182.

Гор. Варшава. 5 июля 1899 года.

Въ разъясненіе возбужденныхъ вопросовъ: 1) о томъ, кто именно изъ начальствующихъ лицъ долженъ входить съ особымъ представленіемъ въ Главный Штабъ при ходатайствахъ о награжденіи чиновъ военнаго вѣдомства за ихъ службу по должностямъ старостъ и ктиторовъ военныхъ церквей *золотыми медалями безъ лентъ*, согласно 729 ст. I т. Учреж. Орд. и друг. знак. изд. 1892 г.: лица, пользующіяся по закону правомъ непосредственнаго сношенія съ Главнымъ Штабомъ, т. е. Начальники дивизій или Командиры корпусовъ, или же означенныя представленія, по предварительному сношенію Командировъ подлежащихъ частей или Начальниковъ

дивизій съ Протопресвитеромъ военнаго и морского духовенства, должны восходить по командѣ, чрезъ Командующаго войсками къ Военному Министру (по Главному Штабу), и 2) по какой формѣ должны составляться вышеозначенныя особыя представленія и какіе при этомъ слѣдуетъ прилагать документы,—Главный Штабъ отзывомъ отъ 25-го минувшаго іюня за № 30331 сообщилъ, что съ помянутыми представленіями слѣдуетъ входить къ Военному Министру, по командѣ, чрезъ Командующаго войсками (по Главному Штабу) съ приложеніемъ наградного списка, составленнаго по установленной формѣ, съ объясненіемъ заслугъ удостоиваемаго лица и краткой записки о его службѣ.

Подписаль: Вр. и. д. Начальникъ Штаба,

Полковникъ *Эбловъ*.

Отъ Комитета по сооруженію памятника въ ст. Албазинской.

Въ 26-й день октября 1898 года Государь Императоръ Всемиловѣйше соизволилъ на разрѣшеніе повсемѣстнаго въ Имперіи сбора добровольныхъ пожертвованій для сооруженія въ ст. Албазинской памятника Алексѣю Толбузину, подполковнику Бейтону и остальнымъ героямъ, защищавшимъ съ горстью людей, 200 лѣтъ тому назадъ, укрѣпленный городокъ Албазинъ отъ нападенія маньчжуръ.

Для сбора пожертвованій и завѣдыванія всѣмъ дѣломъ сооруженія памятника, по распоряженію г. Приамурскаго генераль-губернатора, образованъ въ г. Благовѣщенскѣ особый Комитетъ, состоящій подъ предѣтельствомъ г. военнаго губернатора Амурской области и наказнаго атамана Амурскаго казачьяго войска генераль-маіора К. Н. Грибскаго.

Приступая къ составленію проекта памятника, Комитетъ проситъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи какіе либо матеріалы и предметы, относящіеся къ эпохѣ Сибири временъ Албазинскаго сидѣнія, а также имѣющихъ какіе либо данныя о личностяхъ Алексѣя Толбузина, подполковника Бейтона и прочихъ Албазинцевъ, не отказать прислать имѣемое въ распоряженіе Комитета.

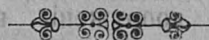
Все присланное, по снятіи копій и рисунковъ, будетъ съ благодарностью и въ цѣлости возвращено по принадлежности.

Предсѣдатель комитета генераль-маіоръ Грибскій.

Щедрое пожертвованіе въ пользу вдовъ и сиротъ военнаго духовенства.

Чувствуя скорое отшествіе, по причинѣ преклонныхъ лѣтъ и болѣзненнаго состоянія, въ иной—загробный міръ, состоящій въ отставкѣ о. протоіерей Симеонъ Смоличъ, всю до глубокой старости жизнь прослужившій съ честью въ военномъ вѣдомствѣ, препроводилъ при письмѣ отъ 23-го минувшаго іюня мѣсяца въ Духовное при Протопресвитерѣ Правленіе *пять сотъ* (500) рублей въ пользу вдовъ и сиротъ военнаго духовенства.

И трогательно—и поучительно.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

С Л О В О

на день Рождества Пресвятыя Богородицы.

*Величаем Тя, Пресвятая Дѣво, и
чтемъ Святыхъ Твоихъ родителей.*

Св. Церковь наша, прославляя нынѣ рожденіе Богоматери, вмѣстѣ съ тѣмъ ублажаетъ и Ея родителей.

Мало дошло до насъ свѣдѣній о жизни благочестивыхъ Ея родителей Іоакима и Анны. Преданіе говоритъ, что они происходили изъ царскаго рода, жили во взаимной любви и согласіи и не терпѣли нужды. Одно только было для нихъ тяжелое испытаніе. Дожили они до глубокой старости и не имѣли дѣтей. Бездѣтность и всегда не утѣшительна. А въ то время и, вообще, въ ветхомъ завѣтѣ неплодство считалось еще признакомъ неблаго-

воленія Божія. Не привимались даже жертвы, при священнослуженіи, отъ людей бездѣтныхъ.

Но скорбь эту переносили они терпѣливо. Не смотря на свою старость, не переставали они надѣяться на Бога и просить Его о разрѣшеніи своего неплодства. Для большаго же умилостивленія и угожденія Богу, они дали обѣщаніе: если Господь сниметъ съ нихъ это поношеніе и у нихъ родится дитя, то они посвятятъ его Богу. Долго молились праведные и благочестивые Іоакимъ и Анна. И вотъ, наконецъ, Господь услышалъ ихъ молитву: на радость и утѣшеніе имъ родилась у нихъ Дочь.

Преблагословенной Дѣвѣ Маріи, предназначенной быть Матерію Сына Божія, достойно было и родителей имѣть святыхъ и праведныхъ, какими чтить ихъ св. Церковь.

И прежде было и теперь замѣчается, что у благонаправныхъ родителей, по большей части, бывають и дѣти благонаправные; а у порочныхъ—и дѣти съ дурными наклонностями. Доброе и хорошее, и, наоборотъ, худое и порочное передается по наслѣдству отъ родителей къ дѣтямъ. «Всякое дерево доброе приноситъ и плоды добрые», говорится въ Евангеліи, «а худое дерево приноситъ и плоды худые» (Мѡ. VII, 17). Таковъ законъ природы.

Въ наше время нерѣдко можно видѣть и слышать, какъ дѣти не повинуются своимъ родителямъ, предаются порочной жизни, пьянству, распутству. Отчего-же дѣти такъ невоздержны и такъ порочны? Гдѣ тому причины?—Конечно не столько дѣти здѣсь виноваты, сколько мы сами—родители. Себя самихъ и должны мы винить. «Худое дерево приноситъ и плоды худые».

Сами мы не воздержны, не оставляемъ грѣховныхъ привычекъ, — и дѣти наши берутъ стѣ старшихъ примѣръ худой, порочной жизни.

Если родители, ведутъ, напр., нетрезвую жизнь, огравляютъ свою кровь спиртными напитками; то и дѣти у нихъ по большей части бывають больныя и рождаются съ расположенностью къ спиртнымъ напиткамъ. Придя въ возрастъ, они пойдуть по слѣдамъ родителей и сдѣлаются горькими пьяницами. Это показываетъ намъ и жизнь и наука.

Медицина свидѣтельствуетъ ¹⁾, что подверженные пьянству родители не въ состояніи рождавать здоровыхъ дѣтей. Дѣти такихъ родителей либо непосредственно унаслѣдуютъ страсть къ спиртнымъ напиткамъ, либо нервную

¹⁾ Д-ръ Медіц. Миноръ «Къ вопросу о пьянствѣ и его лѣченіи», стр. 26.

слабость, располагающую къ пьянству. Нерѣдко они рождаются съ предрасположеніемъ къ душевнымъ болѣзнямъ и идиотизму (тупоуміе, глупость). Чаще всего можно наблюдать, что въ нихъ развивается худосочіе, золотуха, слабость силъ. Отсюда—лѣнь, неохота трудиться и склонность къ воровству.

Вотъ тѣ неотразимыя и роковыя послѣдствія, какія сказываются на дѣтяхъ отъ нетрезвой жизни родителей.

Случается, конечно, что и у хорошихъ, примѣрныхъ родителей выходятъ худыя дѣти. Но это бываетъ или отъ недостаточнаго за ними надзора, отъ неумѣнья правильно вести ихъ воспитаніе, или, вообще, отъ слѣпой и неразумной любви къ своимъ дѣтямъ.

Святые и праведные родители Іоакимъ и Анна могли надѣлать свою Дочь всѣми лучшими качествами благочестивой души своей.

Дѣва Марія отличалась глубокимъ смиреніемъ, усердіемъ къ молитвѣ и чтенію слова Божія.

Смиреніе и намъ всѣмъ необходимо. Безъ него и Богу не угодить, и у людей не заслужить ни расположенія, ни помощи и защиты.

Молитва была постояннымъ занятіемъ Дѣвы Маріи, когда Она воспитывалась при храмѣ и, затѣмъ, когда жила въ Назаретѣ. Вмѣстѣ съ молитвою соединялось у Ней и чтеніе слова Божія.

Во время этого чтенія и молитвеннаго настроенія явился къ Ней архангелъ Гавріилъ съ благовѣстіемъ.

Счастливы были-бы и мы, еслибы, подражая Пресвятой Дѣвѣ Маріи, воспитали въ себѣ благочестивый навыкъ къ усердной молитвѣ, и хотя праздничные дни проводили въ чтеніи слова Божія и, вообще, книгъ духовныхъ, назидательныхъ.

Пресвятая Богородица—первая наша передъ Богомъ Молитвенница и Заступница. Будемъ-же въ молитвахъ своихъ прежде всего обращаться къ Ней, на Нее надѣяться и отъ Нея ожидать всего, что нужно для насъ въ этой жизни и въ будущей. Она поможетъ намъ въ нашихъ нуждахъ, скорбяхъ и болѣзняхъ. Сама Она испытала житейскія скорби и напасти, и, содѣлавшись Царицею Небесною, щедро изливаетъ свои милости на всѣхъ, кто съ вѣрою и теплою молитвою обращается къ Ней. Аминь.

Священникъ Колпинской церкви Владиміръ **Казьминъ**.

ГОДОВОЙ ОТЧЕТЪ

Ковенскаго православнаго при Петро-Павловскомъ военномъ соборѣ
братства ревнителѣй вѣры и благотворенія за 1898 годъ.

24 октября 1898 года Ковенское Православное Петро-Павловское Братство ревнителѣй вѣры и благотворенія закончило второй годъ своего существованія. Жизнь Братства за этотъ годъ текла тихимъ ровнымъ ходомъ въ границахъ, указанныхъ уставомъ. Братство стремилось по мѣрѣ силъ и возможности служить духовно и матеріально нуждающимся лицамъ, живущимъ въ предѣлахъ Ковенской крѣпости. Если гдѣ, то особенно здѣсь, въ Сѣверо-Западномъ краѣ, среди разновѣрнаго и разноплеменнаго населенія, нужда духовная и матеріальная даетъ особенно сильно себя чувствовать; вопросы религіи здѣсь на первомъ планѣ, борьба за существованіе здѣсь особенно чувствительна, а средства къ ея прекращенію слабы и ихъ крайне недостаточно. Служа оплотомъ для нашего Отечества отъ врага внѣшняго, стоящая почти на рубежѣ его съ Западомъ, Ковенская крѣпость должна вмѣстѣ съ тѣмъ быть показателемъ и внутреннаго могущества нашего Отечества — крѣпости его Православной вѣры и могущества его любви ко всѣмъ страждущимъ и обремененнымъ. Вѣра любовью посиѣществуемая, — вотъ что развило, укрѣпило и расширило отъ края до края наше Отечество. Вмѣстѣ съ первымъ камнемъ, легшимъ въ основаніе Ковенской крѣпости, здѣсь воспрянула русская народность, а первый ударъ большого соборнаго колокола пробудилъ запуганную и угнетенную русскую душу. Ковенское Петро-Павловское Братство есть одно изъ проявленій зиждительныхъ началъ нашей Православной вѣры и силы любви русскаго духа, — оно есть знамя русской православной вѣры, знакъ доброты русскаго сердца. Если во второй годъ своего существованія Братство тихо и скромно преслѣдовало свою задачу, то только потому, что упрочивало свой основной фондъ и изучало тѣ средства, каковыми оно можетъ располагать, а равно и ту среду, среди которой ему приходится дѣйствовать.

Въ жизни Братства за истекшій годъ были отрадные, свѣтлые дни. Получивъ отъ предшествовавшаго года заботу о приобрѣтеніи нѣкоторыхъ необходимыхъ священныхъ предметовъ, которые бы были символомъ его жизни,

силы и крѣпости, въ истекшемъ году Братство съ успѣхомъ выполнило эту задачу, что несомнѣнно радостно отзовется въ каждомъ членѣ нашего Братства и всякаго истинно-русскаго человѣка. Столь желанная Братствомъ хоругвь у него имѣется и теперь красуется въ крѣпостномъ соборѣ вмѣстѣ съ прочими сокровищами нашего крѣпостного храма. Приобрѣтеніемъ ея Братство обязано его почтенному инициатору—настоятелю собора, прот. Н. Каллистову, который нашелъ доброе сердце въ лицѣ С.-Петербургскаго купца Чуксанова, пожертвовавшаго Братству сію драгоценную для него святыню—залогъ его жизни и знамя его благой дѣятельности. Торжественное освященіе сей хоругви происходило 25 марта въ день Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, когда Св. Церковь воспѣваетъ: торжествуй, земле, радость велю, хвалите, небеса, Божію славу—какъ—бы въ соотвѣтствіе началу, положенному въ основаніе Братства,—преуспѣянію православной вѣры и торжеству христіанской любви воплощеніемъ Сына Божія.

Кромѣ этой святыни, Братство обогатилось въ истекшемъ году драгоценнымъ даромъ Предсѣдателя его Совѣта Преосвященнаго Михаила, Епископа Ковенскаго—иконой новоявленнаго угодника Божія Θεодосія Углицкаго, Архіепископа Черниговскаго, всероссійскаго Чудотворца. Написанная въ ростъ Святителя, художественной работы, эта икона есть одно изъ украшеній нашего соборнаго храма и служить великимъ утѣшеніемъ для богомольцевъ, предметомъ ихъ особеннаго почтенія и поклоненія,—особенно въ праздничные дни. Совѣтъ Братства глубоко благодаренъ своему Предсѣдателю, что и выразилъ на одномъ изъ своихъ засѣданій и имѣетъ просить общее собраніе благодарить Преосвященнаго Михаила за его столь щедрый даръ Братству и собору.

Здѣсь необходимо также упомянуть и о дарѣ дворянки Екатерины Чижиковой двухъ иконъ «Моленіе о Чашѣ» и «Островоротной Божіей Матери» хорошей работы—самой благочестивой жертвовательницы, за что Братство ей глибо благодарно.

Дѣятельность Братства, согласно уставу, велась въ двухъ направленіяхъ, сообразно двумъ задачамъ, положеннымъ въ основу Братства,—именно религіозно-просвѣтительномъ и благотворительномъ (§ 2 Устава).

Къ религіозно-просвѣтительной дѣятельности Братства относятся: 1) внѣбогослужебныя бесѣды по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ крѣпостномъ соборѣ; 2) церковная проповѣдь, не исключая и простыхъ буднич-

ныхъ дней; 3) чтеніе акаѳистовъ по воскресеніямъ, средамъ, четвергамъ и пятницамъ за вечернимъ и утреннимъ богослуженіемъ; 4) братская церковно-приходская школа и, наконецъ, самое главное, — по степени широкаго, могучаго и благотворнаго вліянія на православное и частію иновѣрное населеніе крѣпости, — это учрежденіе ежегодныхъ періодическихъ торжественныхъ крестныхъ ходовъ, съ преднесеніемъ чудотворной иконы Божіей Матери, именуемой Пожайскою и чествуемой издавна даже католиками.

а) Въбогослужебныя бесѣды велись священниками Ковенскаго гарнизона во главѣ съ настоятелемъ собора, прот. Н. Каллистовымъ, который былъ и руководителемъ и указателемъ во время самыхъ бесѣдъ и чтеній.

Въ нихъ принимали теплое участіе священники: Александръ Измаиловъ, Феодоръ Троицкій, Іоаннъ Барбаринскій, Феодоръ Волковъ, Михаилъ Мудролюбовъ, Сергій Лебедевъ. Бесѣды были ведены въ хронологическомъ порядкѣ церковнаго круга и содержаніе ихъ въ большинствѣ почерпалось изъ воскресныхъ и праздничныхъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, согласно указанію Высокопреосвященнаго Іеронима, бывшаго Архіепископа Литовскаго и Виленскаго. Богатаго матеріала евангельскихъ и апостольскихъ чтеній было совершенно достаточно: съ начала октября и кончая Вербнымъ воскресеніемъ каждому проповѣднику пришлось бесѣдовать по четыре раза, за каковой трудъ Братство приноситъ имъ глубокую благодарность. Бесѣды начинались пѣніемъ соборнаго хора, пѣніемъ же и заключались онѣ. Торжественный характеръ этихъ бесѣдъ, послѣ торжественнаго вечерняго богослуженія и акаѳиста Цѣлителя Пантелеймону, толковое разъясненіе проповѣдниками предмета бесѣды оставляли глубокое впечатлѣніе въ слушателяхъ, которые охотно посѣщали ихъ не смотря ни на какую плохую погоду. Большой процентъ слушателей были военные чины (нижніе чины посѣщали эти бесѣды командами), гражданскіе чиновники, простой рабочій людъ, — женщины и дѣти, — по вѣроисповѣданію, конечно, православные, хотя бывали случаи, что видны были и католики и лютеране. Третій годъ существованія этихъ бесѣдъ и охотное посѣщеніе ихъ слушателями ясно показываетъ, какую насущною необходимостію онѣ служатъ въ религіозной жизни Ковенскаго населенія и особенно для класса трудящагося — рабочаго.

б) Ежедневныя поученія за богослуженіемъ состояли изъ чтенія житій святыхъ по Филарету, Арх. Черниговскому, Протопопову, Бахметевой и по дневнику высокочтимаго молитвенника Церкви Русской О. Іоанна Кронштадскаго, а также и изъ назидательныхъ разсказовъ изъ исторіи Церкви и

житейскаго быта, каковыя своимъ трогательнымъ содержаніемъ оставляли глубокое впечатлѣніе въ богомольцахъ. Праздничныя поученія имѣли своимъ предметомъ содержаніе евангельскихъ чтеній или событіе праздника, — смотря по тому, гдѣ проповѣдникъ полагалъ извлечь больше матеріала для назиданія богомольцевъ. Справедливость требуетъ отмѣтить здѣсь слова, поученія и рѣчи настоятеля собора, прот. Н. Каллистова, большинство каковыхъ произносятся экспромптомъ на темы, указываемыя Владыкою. Благодаря дикци и дару слова проповѣдника, онѣ всегда съ особеннымъ усердіемъ слушались богомольцами собора и оставляли въ нихъ сильное впечатлѣніе, что и засвидѣтельствовалъ Преосвященный Михаилъ, Епископъ Ковенскій въ своемъ отзывѣ на имя Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства А. А. Желобовскаго (Вѣст. Военнаго Духовенства).

в) По примѣру прошлыхъ лѣтъ, въ крѣпостномъ соборѣ за богослуженіемъ были читаемы и акаѣисты, число каковыхъ въ недѣльномъ кругѣ богослуженія было не менѣе четырехъ, именно: 1) въ воскресенье вечеромъ — Св. Цѣлителю Пантелеймону, предъ иконой Велико-мученника, присланной въ даръ собору со святой Афонской горы; 2) въ среду вечеромъ Спасителю; 3) въ четвергъ за молебствіемъ, послѣ Литургіи, Св. Преподобному Сергію, предъ иконой сего угодника, освященной на мощахъ его, и 4) въ пятницу вечеромъ — Божіей Матери, — такъ что вышеуказанные акаѣисты входятъ, такъ сказать, въ составъ самаго богослуженія. — Эти глубоко прочувственныя чтенія вызываютъ слезное умиленіе въ богомольцахъ и посѣщаются ими очень усердно: на слушаніе ихъ являются нарочито лица интеллигентнаго круга.

г) Братская церковно-приходская школа въ отчетномъ году продолжала по мѣрѣ силъ и возможности преслѣдовать свою задачу — готовить дѣтей военно-служащихъ, живущихъ въ кр. Ковнѣ, въ средніе учебныя заведенія — гимназіи и кадетскіе корпуса. Всѣхъ учащихся было 37; изъ нихъ 11-ть въ младшемъ отдѣленіи, 20 въ среднемъ и 6 въ старшемъ; кончило курсъ 6, — всѣ они поступили въ августѣ въ среднія учебныя заведенія и, кромѣ того 3 изъ средняго отдѣленія; а всего за 3 года существованія школы выдержали испытаніе и поступили въ гимназіи, институты и кадетскіе корпуса 25 дѣтей; изъ нихъ мальчиковъ 18-ть и дѣвочекъ 7.

Въ прошломъ году, 17 декабря посѣтилъ школу Преосвященный Михаилъ, Епископъ Ковенскій, который и присутствовалъ въ старшемъ отдѣленіи на урокъ Закона Божія и ариѳметики, и младшемъ — на урокъ Закона Божія

и вполнѣ остался доволенъ, какъ ходомъ обученія, такъ и успѣхами учащихся. Школа была посѣщена и епархіальнымъ и уѣзднымъ наблюдателями церковно—приходскихъ школъ—прот. Смольскимъ и свящ. Павловичемъ; подѣ наблюденіемъ послѣдняго были произведены и годичныя испытанія.—Помѣщается школа къ одному изъ зданій, арендуемыхъ ковенскимъ гарнизоннымъ собраніемъ, пользуясь отъ послѣдьяго и отопленіемъ. Школа какъ въ обеспеченіи средствами, такъ и въ постановкѣ учебно—воспитательной части, всецѣло обязана материнской заботливости своей попечительницы, ея превосходительству М. В. Каменецкой. Завѣдывающимъ школою состоитъ протоіерей Н. А. Каллистовъ. Преподавателями въ истекшемъ году были: священники М. Мудролюбовъ и Феодръ Троицкій—Закона Божія и славянскаго чтенія; священникъ Сергій Лебедевъ—Ариѳметики, поручикъ А. Смирновъ—русскаго языка и чистописанія, діаконъ Малевичъ—церковнаго пѣнія. Новые языки: нѣмецкій и французскій, во виѣкклассное время, преподавали: г-жи Тильменсъ, Грундманъ и Чехсва. Надзирательницей была г-жа Евдокія Ад. Костусева —

Средства Братства въ истекшемъ году составились, во 1-хъ, изъ единовременныхъ пожертвованій, 2) изъ членскихъ взносовъ и 3) сбора съ благотворительнаго концерта. Всѣ эти статьи дали Братству дохода 1167 руб. 63 коп. Изъ единовременныхъ пожертвованій должно отмѣтить жертву въ 300 руб. О. Іоанна Сергіева—Кронштадскаго, этого истиннаго печальника всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ, глубоко сочувствующаго благимъ цѣлямъ нашего Братства и общающаго и въ будущемъ не оставлять его своимъ вспоможеніемъ.

Почетный членъ нашего Братства С. П. Б. купецъ Чуксановъ, оказавшій Братству великую услугу пожертвованіемъ художественной металлической хоругви, не оставилъ Братство и денежной жертвой, приславъ 100 руб. Такую же цифру прислалъ въ даръ Братству представитель фирмы Калинкинскаго пиво—медовареннаго товарищества въ Ковнѣ г-нъ Гибсонъ, и Пресвященный Николай, Епископъ Алеутскій и Аляскинскій прислалъ изъ Сан-Франциско 50 руб. ¹⁾ Такія щедрыя пожертвованія въ истекшемъ году дали Совѣту возможность исполнить свое завѣтное желаніе—отчислить изъ наличныхъ средствъ 1000 руб. и положить ихъ на вѣчное храненіе въ Госу-

¹⁾ Всѣ эти пожертвованія лично исходатайствованы у жертвователей О. Протоіереемъ Каллистовымъ.

дарственный банкъ, что и было сдѣлано 25 іюля. Совѣтъ братства теперь можетъ смѣло глядѣть въ будущее; черные дни ему не страшны, у него всегда найдется нужная копѣйка, что бы отереть слезы неимущихъ, страдалцевъ, лишенныхъ возможности добывать своимъ трудомъ кусокъ насущнаго хлѣба.

Здѣсь необходимо отмѣтить еще одну жертву Братству вещественную. Одна благочестивая жительница г. Ковны, пожелавшая до времени остаться неизвѣстною, отказала Братству по своей смерти въ полную собственность все свое недвижимое имущество именно: вотчинный плацъ земли, мѣрою 280 кв. сажень, съ находящимися на немъ четырема деревянными одноэтажными домами,—для устройства убѣжища для сирыхъ и убогихъ, по благоусмотрѣнію Братства. Волю свою жертвовательница утвердила нотаріально 23 января сего года, копія съ какового нотаріальнаго акта, выданная ковенскимъ нотаріусомъ Григоровичемъ, приложена къ журналу Совѣта Братства отъ 26 января сего года за № 2, § 1.

Такимъ образомъ, если Господу угодно будетъ, Братство будетъ собственникомъ недвижимаго имущества, что и дастъ ему возможность безъ большихъ денежныхъ затратъ выполнить и другую задачу Устава—призрѣніе нищихъ и убогихъ. Глубоко благодарно Братство этой истинно-православной христіанской душѣ за такую жертву; вѣчная молитва будетъ возноситься о ней въ крѣпостномъ соборѣ...

Расходъ Братства въ истекшемъ году былъ строго соразмѣряемъ съ приходомъ. Поступившія прошенія о пособіяхъ провѣрялись членами Совѣта, или по просьбѣ ихъ, другими лицами. Неотъемлемую услугу въ этомъ случаѣ оказывалъ Совѣту членъ онаго подпол. П. А. Плечко, который чрезъ своихъ подчиненныхъ собиралъ самыя точныя свѣдѣнія о просителяхъ, живущихъ въ районѣ крѣпости и города, такъ что Братство вполне можетъ быть увѣрено, что всѣ его пособія достигаютъ своей цѣли, что не питается ими зловредное ханжество, что не плодитъ оно пагубныхъ тунеядцевъ. За то, дѣйствительное горе и нужда находятъ въ Братствѣ возможное облегченіе; нѣкоторые лица, наир., получали ежемѣсячное круглый годъ пособіе (семья отставнаго маіора Пономарева, отставной учитель—слѣпецъ Пигулевскій и др.), а нѣкоторые получали въ зимніе мѣсяцы, когда нужда дѣлается острѣе, потребности увеличиваются.

Въ минувшемъ іюнѣ мѣсяцѣ Совѣту пришлось оказать вспомошествова-

ніе шлому благотворительному учрежденію, именно: Ковенскому Обществу попеченія о больныхъ, которое за недостаткомъ средствъ не въ состояніи было содержать убѣжища для безпріютныхъ и больныхъ двадцати женщинъ. Совѣтъ Братства принялъ самое живое участіе въ переживающемъ тяжелые дни обществѣ, назначивъ ему 60 руб., по 20 руб. на каждый изъ трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, а потомъ, по прошенію самыхъ призываемыхъ ассигновано имъ 120 руб. Эти деньги ежемѣсячно выдавались на имя предсѣдателя Общества. (Журналъ совѣта отъ 29 сент.).

Здѣсь слѣдуетъ еще отмѣтить пособіе четыремъ ученицамъ Ковенской женской гимназіи, коимъ грозило удаленіе изъ заведенія за невзносъ платы за ученіе. Осознавая, что подобный видъ вспомошествованія не подходитъ къ уставу, Совѣтъ, видя, что образованіе есть единственный источникъ жизни такихъ лицъ въ будущемъ, удовлетворилъ просьбы просителей, внося узаконенную плату за обученіе 115 рублей.

Совѣту пришлось въ минувшемъ году примѣнить еще одинъ особый видъ вспомошествованія, именно — заимообразную выдачу пособія изъ имѣющихся средствъ Братства съ правомъ взимать изъ заработка просителей условленную часть на погашеніе долга. Такое пособіе было выдано одной вдовѣ акцизнаго чиновника для представленія въ залогъ для поступленія на службу по винной монополіи. Долгъ весь просительница уже уплатила.

Разсматривая статьи прихода и расхода и проникая въ ихъ смыслъ, нельзя не признать, что Совѣтъ съ большимъ вниманіемъ относится къ поступившимъ о пособіяхъ просьбамъ, отказывая въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ.

Такова дѣятельность Братства въ истекшемъ году. Братство теперь ясно намѣтило свою задачу и приметъ всѣ средства къ ея возможно лучшему разрѣшенію. Было бы только сочувствіе къ нему со стороны общества крѣпости и народа, на которомъ вообще лежитъ нравственный долгъ помощи несчастнымъ ближнимъ — своимъ согражданамъ.

Посему и въ настоящемъ году, какъ и въ прошломъ, Совѣтъ обращается ко всѣмъ, въ комъ не угасла искра живой вѣры въ Бога и любви къ меньшимъ братіямъ, кому дороги завѣты Православія и Родины, за сильной лептой на дѣло вѣры и христіанской благотворительности. Вѣра безъ дѣла мертва... Будемъ надѣяться, что мѣстное общество окажется живымъ, дѣйствующимъ, а не бездушнымъ... Братство же приложитъ всестороннія къ тому мѣры, чтобы онѣ дѣйствительно облегчали страданія у всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ...

Подлинный подписали: Предсѣдатель Совѣта Братства, Епископъ Ковенскій Михаилъ.

Помощникъ его, Протоіерей Каллистовъ.

Члены Совѣта: казначей полковникъ Нордгеймъ, подполковникъ Плечко, капитанъ Григоровъ, штабсъ-капитанъ Лаврикъ, священникъ Василій Некрасовъ, статскій совѣтникъ Голубевъ, коллежскій ассесоръ Богдановичъ, ковенскій полиціймейстеръ Афонскій, подполковникъ Пчелко, священникъ Θεодоръ Троицкій, статскій совѣтникъ Ламзаки, статскій совѣтникъ Пономаревъ, подполковникъ Пленовъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: Секретарь Братства, Членъ Совѣта и Казначей полковникъ Нордгеймъ.

Отрадный случай въ пастырской дѣятельности военнаго священника.

19 мая текущаго 1899 г., въ жизни моего прихода, составляющаго гарнизонъ и населеніе далекаго, заброшеннаго среди горныхъ долинъ Парополицовъ, Кушкинскаго поста, Закаспійской области, произошелъ случай, который еще одинъ лишній разъ доказалъ, что «къ всемірному, всечеловѣчески-братскому единенію сердце русское изъ всѣхъ народовъ наиболѣе предназначено», что «народъ нашъ — богоносецъ» (Достоевскій).

Въ этотъ памятный день около пятидесяти семействъ авганскаго племени Джемшидовъ, обитавшихъ близъ города Кабула, — какъ они передали намъ черезъ переводчика, дочиста ограбленныхъ и совершенно разоренныхъ авганцами, спасаясь отъ преслѣдованія своихъ озлобленныхъ соотечественниковъ, нашли убѣжище въ предѣлахъ Россіи, именно-на нашемъ — Кушкинскомъ посту. На пути въ Россію въ одномъ изъ горныхъ ущелій, верстахъ въ 20 отъ Кушки, на этихъ несчастныхъ вновь напали авганцы и отобрали у нихъ все, что еще можно было взять у гонимыхъ, лишенныхъ крова, пищи и одежды людей; но, не довольствуясь этимъ, авганцы, по словамъ бѣглецовъ Джемшидовъ, взяли въ плѣнъ ихъ молодыхъ и красивыхъ женъ и дѣвушекъ и погнали для продажи въ бухарскіе и персидскіе гаремы. Эти то несчастные бѣглецы, почти совершенно нагіе, изнуренные голодомъ, из-

мученные длиннымъ и утомительнымъ путемъ, по знойной и пустынной мѣстности, 19 мая достигли Кушки и, съ дозволенія начальника гарнизона, расположились на берегу рѣки приблизительно въ полуверстѣ отъ крѣпости. Невозможно было безъ жалости смотрѣть на этихъ людей: землистыя изнуренныя, съ впалыми, тоскливыми глазами, лица у взрослыхъ и у дѣтей, страшно грязныя, не имѣющія и подобія одежды рубища, которыми покрыты были тѣла ихъ, отсутствіе всякаго имущества у бѣглецовъ, осиротѣлыя дѣти—все это производило ужасно тяжелое впечатлѣніе. И вотъ, лишь только наши солдатики увидѣли этихъ несчастныхъ людей, какъ сейчасъ-же сами, безъ всякаго посторонняго вліянія, начали сносить къ Джемшидамъ все, что у кого имѣлось: хлѣбъ, крупу, теплыя фуфайки, рубашки, исподнее бѣлье, а многіе отдавали бѣглецамъ свои послѣдніе трудовые солдатскіе гроши, а иные съ грустной улыбкой ласкали чумазыхъ джемшидскихъ ребятушекъ, быть можетъ, вспоминая своихъ братцевъ и сестреночъ, оставшихся тамъ гдѣ то далеко—далеко, на вѣчно-милой и дорогой родинѣ. Но особенно поразилъ всѣхъ истинно христіанскій поступокъ одного казака Кавказскаго полка, который, отдавъ несчастнымъ бѣглецамъ почти все, что было на немъ, не ожидая благодарности и не желая, видимо, чтобы знали о его благородномъ поступкѣ, съ рыданіями убѣждалъ въ свои казармы. Офицеры, а особенно ихъ жены также не отставали отъ солдатиковъ, въ желаніи всѣми мѣрами облегчить участь несчастныхъ изгнанниковъ; и объемистые узлы дѣтской и женской одежды и обуви, хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ со всѣхъ сторонъ сносили къ табору Джемшидовъ. За три дня своего пребыванія въ районѣ Кушкинскаго поста бѣдныя джемшиды не только ни въ чемъ не испытывали нужды, но въ пользу ихъ собрано было болѣе 200 рублей денегъ, нѣсколько десятковъ пудовъ хлѣба, муки и другихъ съѣстныхъ припасовъ. Надо отдать полную справедливость этому азіатскому племени, что оно вполне оцѣнило доброту и благородство русскихъ. Джемшиды говорили намъ черезъ переводчика въ томъ смыслѣ, что они много слышали о добротѣ русскихъ, почему они и пошли въ Россію, но такого участія къ нимъ, изгнаннымъ изъ отечества и чужимъ для насъ, русскимъ людямъ, такого радушія все же не ожидали встрѣтить здѣсь. «Да воздастъ Аллахъ за добро русскихъ!» Все, что мы жертвовали Джемшидамъ, принимали ихъ старшины и поровну дѣлили между всѣми своими земляками.

Я описываю факты безъ всякаго преувеличенія, говорю о томъ, что

произошло на глазахъ у тысячи лю ей, и говорю потому, что описанные факты краснорѣчиво доказываютъ, что русскіе военные люди вполнѣ оправдываютъ свое наименованіе «христолюбиваго воинства.»

Да! только тотъ, кто любитъ Христа Спасителя и, согласно Его великой заповѣди, считаетъ ближнимъ всякаго человѣка, нуждающагося въ нашей помощи и подаетъ эту помощь каждому, не разбирая его вѣры и національности, можетъ быть способенъ на такіе поступки, какъ описанный нами.

Своимъ простымъ умомъ и чистымъ сердцемъ нашъ русскій простой народъ въ лицѣ солдатиковъ, угадываетъ, въ чемъ должна состоять главная задача нашей дѣятельности среди инородцевъ Азіи: это—протянуть могущественную, но братскую и честную руку полудикимъ племенамъ, окружающимъ насъ въ Азіи, и этой рукою принести имъ плоды христіанскаго просвѣщенія и культуры, широкаго русскаго добродушія, полнаго вѣротерпимости и чуждаго всякаго узкаго фанатизма.

Священникъ Михаилъ Опелюстѣй.

Дѣтей, которые любятъ своихъ родителей и пекутся о нихъ всегда и вездѣ, хранитъ Господь.

(Разсказъ изъ военнаго быта)

Сынъ мой, храни заповѣдь отца твоего и не отвергай наставленія матери твоей. (Притч. 6, 20).

I.

Николай Ивановичъ Кузнецовъ считался лучшимъ фельдфебелемъ N-скаго полка. Онъ былъ сынъ крестьянина одной изъ нашихъ внутреннихъ губерній. Кузнецовъ началъ службу въ полку по набору и скоро дослужился до званія фельдфебеля. Былъ онъ очень доволенъ своимъ служебнымъ положеніемъ и, казалось, закончилъ бы въ этомъ званіи свою военную карьеру. Однако Богъ судилъ иначе. За выходомъ въ отставку старичка командира, прибылъ въ полкъ молодой полковникъ генеральнаго штаба Ш.. Это былъ

человѣкъ даровитый, энергичный и къ тому еще обладалъ рѣдкой способностью скоро узнавать людей. На службѣ онъ былъ строгъ и того же требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ. Уступокъ, — протекцій, кумовства, онъ не допускалъ: по дѣламъ службы командиръ Ш. принималъ у себя на квартирѣ только въ исключительныхъ случаяхъ. Когда бывало скажутъ, что офицеръ N получилъ приглашеніе отъ командира на чашку чаю — это значило, что N долженъ подать въ отставку. При всемъ томъ онъ былъ человѣкъ очень добрый, сердечный и нерѣдко выручалъ офицеровъ изъ затрудненій собственнымъ кошелькомъ. Жилъ онъ скромно со своей старушкой сестрой, но въ извѣстные дни офицерство являлось къ нему запросто попить чаю. Вотъ при этомъ то человѣкъ случилась большая переменѣна въ жизни фельдфебеля Кузнецова.

Не прошло и года, какъ командиръ Ш. обратилъ вниманіе на фельдфебеля Кузнецова и освѣдомился о немъ у ротнаго командира; тотъ далъ прекрасную аттестацію. Командиръ приказалъ въ назначенный часъ прислать фельдфебеля къ нему на квартиру. Событіе это было необычайно въ полковой жизни. Кузнецовъ вошелъ въ кабинетъ командира, какъ говорится, ни живъ ни мертвъ.

— Вотъ что, Кузнецовъ, началъ командиръ, — хочешь быть офицеромъ?

Кузнецовъ смутился и растерялся. Вопросъ командира былъ такую неожиданностью, такъ поразилъ, точно его по головѣ ударили: — онъ потерялъ способность соображать что либо и, вытянувшись, какъ шесть, только глазами хлопалъ.

— Ну, что же ничего не отвѣчаешь?

— Не могу знать ваше—дѣ! не смѣю.

Кузнецовъ запнулся и заморгаль. Въ глазахъ у него помутилось... и онъ попятился къ дверямъ.

Командиръ, замѣтивъ растерянность Кузнецова, подошелъ, положилъ ему руку на плечо и ласково промолвилъ:

— Что же ты, братецъ, вѣдь я не врагъ твой, чего ты боишься? Добра я тебѣ желаю, экой ты право... говорилъ командиръ, прिवѣтливо глядя ему въ глаза.

Молніей пронеслось въ его воображеніи: вотъ родная полуизгнившая изба, мать старуха, сестренка калѣка—онъ ихъ надежда, кормилецъ и поилецъ,—а тутъ вотъ его гонять со службы, да еще шутять, издѣваются надъ бѣднымъ человѣкомъ!

Кузнецова била лихорадка: онъ еле держался на ногахъ.

— Ты не здоровъ, боленъ? встревожился командиръ.

— Позвольте удалится, ваше—діе! промолвилъ, наконецъ, Кузнецовъ, точно моля о пощадѣ, потому ваше..., голосъ бѣдняги дрогнулъ, онъ глухо зарыдалъ...

Командиръ быстро подвинулъ стулъ фельдфебелю, усадилъ его какъ больного, повернулъ ключъ въ дверяхъ и нервно зашагалъ по кабинету.

Кузнецовъ скоро оправился и поднялся.

— Что это съ тобой? спросилъ командиръ.

— Виноватъ, ваша—діе! Самъ не знаю, что случилось; такъ вотъ горло перехватило... думалъ обидѣть хотите, непонятно мнѣ это стало...

— Что же для тебя, братецъ, непонятнаго? чего тебѣ тревожиться? Ты отличный фельдфебель, молодъ еще, здоровъ, человѣкъ способный; подучишься, кончишь училище и офицеромъ будешь.

— Такъ вотъ что, сказалъ въ заключеніе командиръ, я поручу тебя полковому адъютанту, онъ займется съ тобой въ продолженіе зимы — для тебя, окончившаго городское училище, обученіе не покажется труднымъ, — а въ будущую осень въ юнкерское училище тебя отправлю.

Кузнецовъ, весь просіявшій, готовъ былъ въ ноги броситься доброму командиру.

— Что же будешь охотно учиться.

— Такъ точно, Ваше В—діе!

— Учись, братецъ, учись—будешь офицеромъ, поблагодаришь меня, а пока... командиръ повернулся къ шкафу и досталъ нѣсколько брошюръ, — вотъ тебѣ книжечки, почитывай; ротный твой говорилъ мнѣ, что ты читать любишь.

— Покорнѣйше благодарю, ваше в—діе! съ чувствомъ извиненія произнесъ Кузнецовъ и сдѣлалъ попытку поцѣловать командирскую руку.

Кстати вотъ къ батюшкѣ нашему зайди, подѣлись съ нимъ новостью, онъ, я знаю, радъ за тебя будетъ, — по закону Божьему съ тобой займется, помолится, — Богъ тебѣ и поможетъ, закончилъ командиръ, отпуская фельдфебеля.

II.

Прошло три года. Кузнецовъ окончилъ К-ское юнкерское училище по первому разряду и чрезъ три мѣсяца былъ произведенъ въ подпоручики въ

свой родной полкъ. Командира-благодѣтеля Кузнецовъ уже не засталъ въ полку, тотъ получилъ высшее назначеніе. Офицеры приняли его въ свою среду ласково, съ любовію; они скоро оцѣнили въ немъ добродушіе, скромность, честность и служебную исполнительность. Нѣкоторое чувство неловкости, которое испытывалъ недавній фельдфебель, поступивъ въ офицерское общество, какъ товарищъ, по немногу улеглось и онъ освоился съ новымъ положеніемъ. Однако сословная рознь, нѣкоторые пробѣлы въ школьномъ образованіи, недочетъ въ общемъ развитіи, — все это вмѣстѣ угнетало самолюбіе Кузнецова. Но это же самое чувство заставляло его работать надъ своимъ развитіемъ, много читать, учиться гдѣ можно и какъ можно, чтобы только подняться до общаго уровня, быть не хуже другихъ. Онъ выписалъ изъ деревни старуху-мать, сестру калѣку — взрослую дѣвушку, поручилъ имъ домашнее хозяйство, а самъ занялся службой и самообразованіемъ. Какъ холостой человѣкъ, скромный офицеръ, онъ частенько получалъ приглашенія бывать и въ офицерскихъ и частныхъ семейныхъ домахъ, но рѣдко пользоваться ими; онъ предпочиталъ свободное время проводить въ родной семьѣ за книгой или другимъ подходящимъ занятіемъ.

— Ты бы пошелъ въ гости, Николинъ, говорила ему мать; вотъ тебя къ Мушинскимъ звали, къ Козловымъ. Сегодня, когда ты въ ротѣ былъ, смотрительша эта Коробкова приходила, — Купренко нашъ дрова кололъ, а ей сама отворяла, въ потьмахъ то я, дура, не разглядѣла — думала торговка какая; она въ двери лѣсть, а я ее назадъ: не надо, говорю, не надо! тутъ она какъ засмѣется! а меня диво; разглядѣла я — батюшки, смотрительша! хотѣла было ее руку поцѣловать, что бы, значить, извиниться, а она меня обняла и такъ со мною въ губы нисколько разъ поцѣловалась.

— Да чего ей такъ загорѣлось? съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ спросилъ сынъ.

— Въ гости, родименькій, звать приходила. «Что это, говоритъ, Николай Ивановичъ къ намъ не заходитъ? У насъ, говоритъ, гости все важные бываютъ и барышни тоже, а онъ у васъ кавалеръ завидный, женихъ знатный! Такъ вотъ и сказала — знатный.

Кузнецовъ какъ не любилъ свою старушку мать, но такія рѣчи навели на него тоску, шевелилось досадливое чувство и онъ старался замать неприятные разговоры о женитьбѣ, о барышняхъ, знатнымъ знакомствѣ и пр..

— Поди же, Николинъ, къ Мушинскимъ, поди, соколикъ! Что тебѣ

тутъ дома съ нами маяться? Вотъ и Настенька говоритъ тоже: что тебѣ съ нами мужичками!

— Что вы, маменька? Господь съ вами! Зачѣмъ мнѣ ходить къ чужимъ людямъ, когда мнѣ дома съ вами хорошо.

— Охо-хо! спасибо тебѣ, сыночекъ, на добромъ словѣ! вздыхала старуха.

— Я вотъ книжечку читаю съ вами, съ Настенькой займусь, — она теперь у насъ грамотная, — всякую книжку прочтетъ, а дастъ Богъ и писать выучится.

— Спасибо тебѣ, Николинъ, дай тебѣ, Господи, что не гнушаешься насъ сиротокъ...

— Полно вамъ, маменька, мы всѣ трое сироты, всѣ трое мы мужики Колчедановскіе, но въ этомъ нѣтъ горя; далъ бы только Богъ здоровья да разумнѣя службу царскую справлять, какъ слѣдуетъ; а что я изъ мужиковъ, маменька, такъ я этого не стыжусь.

— Такъ-то такъ, дитяtko, вздыхала старуха, утирая слезы, а все таки не ко двору мы здѣсь, Николинъ, не ровня мы тебѣ...

III.

Встрепенулся, заволновался вокругъ Балканъ славянскій народъ. Христіанскимъ чувствомъ любви, состраданія и самоотверженія «за друзей нашихъ, за близкихъ намъ», увлекъ онъ на ратный подвигъ родную ему по племени и вѣрѣ русскую доблестную рать. Много жертвъ взяла русско-турецкая война. Кузнецовъ тоже пострадалъ: осколкомъ ядра ему раздробило лѣвую ключицу въ первомъ же дѣлѣ за Дунаемъ; болѣе мѣсяца пролежалъ онъ въ лазаретѣ. Тяжелое, тоскливое то было для него время. Молодой, здоровый организмъ легко перенесъ болѣзнь. Силы его оправились; казалось ему, что онъ уже окрѣпъ; онъ рвался въ полкъ. Кузнецова томила неизвѣстность, что творится на ратномъ полѣ. Слыхалъ онъ, что полкъ далеко ушелъ впередъ, а что съ нимъ теперь, кто живъ, кто цѣлъ остался, онъ не зналъ.

Въ лазаретѣ, гдѣ лежалъ Кузнецовъ, больные и раненные прибывали и выписывались, но они были изъ другихъ частей и о родномъ полкѣ не у кого было справиться. Нѣсколько разъ онъ обращался къ врачу выписать его, а тотъ все твердилъ: «погодите, батенька, еще успѣете отличиться». Кузнецовъ ждалъ и томился отъ бездѣлья.

Разъ какъ то, дремля ночью, услыхалъ онъ за стѣной, у которой стояла его кровать не то крикъ, не то стонъ, а затѣмъ возню. Кузнецовъ поднялся на постели, осмотрѣлся и прислушался. Въ палатѣ было мрачно, уныло; кое гдѣ послышится сдержанный стонъ, храпъ спящаго, вздохъ, скрипъ койки. Кузнецовъ осѣнилъ себѣ крестомъ, прочелъ молитву и хотѣлъ было лечь, но за стѣной снова послышались шумъ и возня. Кузнецовъ быстро набросилъ на себя шинель и, боясь потревожить спящихъ, тихо пробрался къ двери, ведущей въ сосѣднюю палату. Дверь оказалась запертой,—она вела въ палату для заразныхъ. Кузнецовъ снялъ ключъ, висѣвшій тутъ же, осторожно отперъ и вошелъ. Онъ заглядывалъ было и раньше, недѣлю тому назадъ, тогда палата была полна больными, а теперь оказалась почти пуста. Едва онъ шагнулъ черезъ порогъ, какъ до его слуха донеслось: «пустите меня, пустите, душу вымотали!» Кузнецовъ увидѣлъ при свѣтѣ ночника фигуру сестры милосердія, которая нагнувшись къ больному, что то говорила, о чемъ то просила. Онъ постоялъ въ нерѣшительности и тихонько направился туда. Больной затихъ; повернувшись на постелѣ лицомъ къ стѣнѣ, онъ тихо всхлипывалъ, точно ребенокъ, котораго обидѣли. Тутъ же у постели у изголовья присѣла сестра милосердія.

— Что у васъ тутъ, сестрица? спросилъ Кузнецовъ. Сестрица подняла голову и вопросительно взглянула на него. Молодое, блѣдное, изнуренное лицо ея свидѣтельствовало о тяжелыхъ трудахъ, о бессонныхъ ночахъ; въ воспаленныхъ глазахъ блестѣли слезы.

— Тише! едва слышно промолвила она, не измѣняя положенія

Кузнецовъ стоялъ въ нерѣшительности: онъ хотѣлъ, но не зналъ, какъ быть полезнымъ, уходить ли ему или остаться.

Больной успокоился и замолкъ.

Сестра осторожно приподнялась и, опустившись въ изнеможеніи на близъ стоящей табуретъ, тихо сказала:

— Уходите отсюда, у него тифъ, опасный!

— Прилягте, сестрица, отдохните!... я васъ замѣню, прошепталъ Кузнецовъ.

Сестрица отрицательно качнула головой. Она прислонилась къ стѣнѣ, приподнявъ голову и закрывъ глаза; руки ея безпомощно повисли, какъ дети, она, казалось, и не замѣчала Кузнецова. А онъ смотрѣлъ на это

молодое существо лицомъ блѣдное, какъ мраморное, отдавшее и юные годы, и радости жизни на служеніе у постели чужихъ ей людей во имя самоотверженной христіанской любви, и чувствовалъ, какъ у него щемить сердце, захватываетъ горло. Онъ впервые еще видѣлъ такое яркое проявленіе безкорыстной святой любви въ женщинѣ, къ страждущему ближнему.

Кузнецову оставалось уйти, а онъ стоялъ, какъ пригвожденный, боясь пошевелиться, чтобы не потревожить больного, чтобы не испугать забывшуюся сестру.

— Землякъ, а землякъ! сдержаннымъ шепотомъ слышалось сзади.

Кузнецовъ оглянулся и увидѣлъ, что больной манитъ его къ себѣ рукой.

— Что тебѣ, братецъ, нужно? тихо спросилъ Кузнецовъ, подходя къ нему.

Солдатикъ, увидѣвъ подошедшаго въ офицерскомъ пальто, видимо смутился.

— Простите, Ваше Б-діе, думалъ фельдшеръ...

Кузнецовъ оглянулъ больного. Молодое, чисто дѣтское лицо его было сѣро-желтаго цвѣта, воспаленныя глаза смотрѣли довѣрчиво, кротко. Расстегнутая рубаха обнажала слабую грудь съ образкомъ на шнурочкѣ и маленькимъ чернымъ узелкомъ.

— Чего же тебѣ, братецъ? спросилъ Кузнецовъ.

— Испить бы, баринъ, промолвилъ больной, облизывая запекшіяся губы.

Кузнецовъ шагнулъ къ столику и, подавъ кружку съ водой, повернулся и хотѣлъ было уйти, но больной удержалъ его за рукавъ.

— Баринъ, Ваше б-діе! посидите вонъ тамъ... больной указалъ по направлению къ сестрѣ, — она бѣдная изъ силъ выбилась... мучается съ нимъ.

— Ладно, ладно посижу, успокоилъ Кузнецовъ.

— Фельдшеръ то ушелъ, горя ему мало, а она убивается... потому душа ангельская... больной то уйти отъ нея наровить... потому...

— Стой, стой! жарь его! такъ, такъ! вдругъ громко раздалось въ палатѣ.

Кузнецовъ вскочилъ, какъ ужаленный, и поспѣшилъ на крикъ.

Сестра держала за плечи больного, а тотъ, опершись на локоть, бился подняться.

Кузнецовъ, отстранивъ сестру, принялся успокаивать больного.

У! изверги! кричалъ больной, рѣзать меня... братцы, по-мо-ги-те!

Палата проснулась и переполошилась. Одни сидѣли и вздыхали, другіе крестились, шептали молитву, а иные, приподнявшись, молча наблюдали происходившее.

Откуда то появился фельдшеръ и поспѣшилъ на помощь. Сестра, выбившаяся изъ силъ, тихо, по-дѣтски плакала. Фельдшеръ охлаждалъ голову, лицо больного мокрымъ полотенцемъ, теръ виски, давалъ нюхать изъ флакона. Кузнецовъ помогалъ чѣмъ могъ; наконецъ, больному начало возвращаться сознание; онъ оглядывался кругомъ и остановился на Кузнецовѣ, внимательно осмотрѣлъ его лицо, поганы, всю фигуру и затѣмъ недоумѣвающимъ взглядомъ уставился на плачущую сестру. Чѣмъ болѣе онъ глядѣлъ на нее, тѣмъ, казалось, яснѣе понималъ причину ея слезъ и всего происходившаго.

— Будеть, оставьте меня! отстраняя Кузнецова и фельдшера, сказалъ больной. Что я ее обидѣлъ, опять обидѣлъ? Мерзавецъ, скотина же я! Сестричка, голубушка, Наталія Павловна, простите родная! Сестрица вытерла свое мокрое отъ слезъ лицо и ласково взглянула на больного,—она уже не плакала.

— Въ чемъ извиняетесь, братецъ? я виновата,—помочь бы вамъ... а я плакать; стыдно за свою слабость. Что какъ вы себя чувствуете? обратилась она нъ нему дѣловитымъ тономъ, щупая пульсъ, виски и ласково глядя ему въ глаза

— Самъ не знаю, родная, какъ вамъ сказать: голова у меня точно желѣзными обручами стянута... сидишь вотъ ничего, кажется здоровъ, а чуть вздремнулъ и, Боже мой, какіе ужасы мнѣ представляются, ну я и бѣснуюсь...

— А вы откуда сюда пожаловали? обратился больной къ Кузнецову, раньше я васъ не видѣлъ...

— Я сосѣдъ вамъ... тутъ за перегородкой; услыхалъ возню, шумъ, ну и заглянулъ... Поручикъ Кузнецовъ, отрекомендовался онъ.

— Спасибо, спасибо... вы не изъ К-го училища? спросилъ онъ, стараясь разсмотрѣть лицо Кузнецова... товарищъ у меня былъ.—Я поручикъ Бекметовъ.

— Онъ самый и есть, сказалъ Кузнецовъ улыбаясь.

— Такъ, такъ!,— Бекметова вамъ не узнать теперь....

Боже мой, гдѣ встрѣтиться довелось, сказалъ Бекметовъ, пожимая руку товарищу.

«Гдѣ служите, кого изъ товарищей встрѣчали», вопросы эти такъ и посыпались съ обѣихъ сторонъ.

Больной, однако, началъ уставать; онъ брался за виски, жмурилъ глаза. — Будетъ вамъ, господа! вмѣшалась сестра, это утомляетъ, такъ нельзя; вотъ поправитесь—наговоритесь, да и больныхъ беспокоите...

Она обвязала голову полотенцемъ, поправила больного подушки и уложила его; Кузнецову дала знакъ удалиться.

Остатокъ ночи Бекметовъ провелъ спокойно, по крайней мѣрѣ, Кузнецовъ, лежа въ постели, не слышалъ уже ни шума, ни возни за стѣной. Самому такъ и не удалось заснуть. Лежа въ постели съ закрытыми глазами, онъ мысленно переносился въ родные края,—въ стѣны К го училища, въ среду товарищей.

Бекметова онъ отлично помнилъ, хотя теперь его трудно было узнать. Въ училищѣ онъ шелъ хорошо, былъ отличный товарищъ, сердечный, отзывчивый, но какой то нервный, взбалмошный. Бекметовъ былъ круглый сирота и воспитывался въ гимназiи и училищѣ заботами своей тетки, жившей гдѣ то въ оренбургской степи. Получивъ отъ тетушки «пенсію», какъ онъ выражался, Бекметовъ угощалъ товарищей, платилъ долги, а черезъ нѣсколько дней оставался безъ гроша въ карманѣ и довольствовался казеннымъ пайкомъ до слѣдующей получки. Окончили она одновременно, но посланы были въ разные дивизіи и съ тѣхъ поръ не встрѣчались.

Пользуясь промежутками, когда Бекметову было лучше, онъ заходилъ къ нему посидѣть, разогнать тоску; нерѣдко и сестра Наталія Павловна была тутъ же.

И... сколько, сколько переговорили они въ эти часы!...

Однако положеніе Бекметова ухудшилось. Когда Кузнецовъ, получившій, наконецъ, разрѣшеніе возвратиться въ полкъ, зашелъ проститься, засталъ Бекметова въ безсознательномъ состояніи: онъ метался въ жару и никого не узнавалъ. Сестра была уже другая: Наталья Павловна тоже слегла.

IV.

Пробили зарю. Стемнѣло. Разложили костеръ. Нѣкоторые солдатки гремѣли еще котелками, но большая часть уже улеглась, укрывшись съ

головую сѣрыми шинелями. Офицеры видѣлись еще группами и въ одиночку то здѣсь, то тамъ, но и они улеглись, прикрывшись, кто чѣмъ могъ, кто буркой, кто пальто, а кто и солдатской шинелью. Наступила ночь. Бриллиантами горѣли звѣзды на темномъ фонѣ южнаго неба.

Ночная свѣжесть давала себя знать: спавшіе все плотнѣе кутались въ шинели. На бивуакѣ наступила тишина, изрѣдка только прерываемая безсознательнымъ стономъ, вскрикиваніемъ съ просонья, фырканемъ лошадей и откуда то доносившимся лаемъ собакъ. Кузнецову не спалось; мысли роемъ толпились въ его головѣ, обгоняя одна другую, путались и перелетались. Сегодня, когда остановились бивуакомъ, ему подали письмо. Оно было истрепано, затаскано, но Кузнецовъ тотчасъ узналъ почеркъ Настеньки. Чѣмъ то близкимъ, роднымъ пахнуло на него и вмѣстѣ съ тѣмъ предчувствіе чего то тяжелаго шевельнулось въ груди. Это было первое полученное письмо съ родины. Кузнецовъ отошелъ въ сторону, присѣлъ на какой то обрубокъ и вскрылъ конвертъ.

«Братецъ мой дорогой, писала Настя, сегодня уже третій мѣсяцъ, какъ маменька наша волей Божіей скончалась».

Кузнецова точно громомъ ошеломило. Строки запрыгали, въ глазахъ зарябило, сердце болѣзненно сжалось; онъ судорожно сжалъ письмо и поникъ головой; обильныя слезы струились, но онъ не замѣчалъ ихъ; онъ не замѣчалъ, какъ возлѣ него сновали солдатики, стучали фонарями, стоялъ шумъ и гамъ бивуачной сутолоки. Какъ онъ любилъ свою мать, какъ часто вспоминалъ въ минуты походной тревожной жизни и въ длинныя безсонныя ночи, лежа въ лазаретѣ, вызывая въ памяти дорогія черты! Осталась у него изъ родни только Настенька. Вспомнилось ему, какъ на время войны, онъ провожалъ ихъ въ родную Колчелановку и прощался въ вагонѣ.—«Не увижу я тебя больше, Николинъ! повторяла старушка, благословляя и обнимая его. Царица Заступница матерью тебѣ будетъ». По морщинистымъ щекамъ ея струились слезы. Обниметъ она его, прижметъ да такъ и застынетъ. Потомъ какъ бы оторвется, посмотритъ ему въ глаза своими добрыми, полными любви и печали глазами и опять прильнетъ, опять охватитъ его шею старческими дрожащими руками. «Спасибо тебѣ, родной мой, слышится голосъ матери, что призрѣлъ сиротокъ, хоть на старости покой имѣли. Баринъ ты теперъ, Николичка, офицеръ,—не учить мнѣ тебя, а только прошу, соколикъ ты мой ясный, не зазнавайся въ довольствѣ, въ

барствѣ, не забывай Господа Бога! Солдатиковъ то жалѣй, уму-разуму учи, въ обиду ихъ не давай; темные они, не разумные, но близкіе, родные намъ». Раздался третій звонокъ. Настенька, все время тихо плакавшая, судорожно зарыдала; она ловила его руки и цѣловала. Какъ онъ ни крѣпился, но не смогъ: слезы брызнули изъ глазъ». Ну, прощай, Николинъка, прощай! объ насъ не тужи, не горюй!.. дастъ Богъ»... Слезы не дали кончить, она еще разъ прижала его къ своей материнской груди. Умерла, умерла, не дождалась! бѣдная Настенька! какъ же она осталась?... Тутъ онъ вспомнилъ только, что письмо смялъ въ рукахъ. Онъ разгладилъ его на колѣняхъ и продолжалъ читать...—«Похоронили мы маменьку съ почестями; пріѣзжалъ еще священникъ изъ Ярославки, обрядили ее въ черное платье, что ты, Николинъка, передъ уходомъ ей справилъ, и гробъ чернымъ обили. Угощенье для народа было, матушка Анастасія Ивановна сама хлопотала. Въ девятый и въ сороковый дни панихидку на кладбищѣ служили. Молись, Николинъка, и ты за маменьку! Тосковала она за тобой очень:—фотографію твою цѣловала. Обо мнѣ счень горевала, что оставляетъ одинокою. Но ты обо мнѣ не безпокойся. Батюшка нашъ о. Амвросій добрый и матушка ласковая такая ко мнѣ: какъ маменьку похоронили, такъ они и забрали меня къ себѣ. «Поживи, говоритъ, Настенька, у насъ, пока Николай Ивановичъ возвратится. Письмо не знали, какъ послать тебѣ. Денегъ, Николинъка, не нужно мнѣ, складывай ихъ, воротись—жениться будешь, такъ и маменька думала, но не дождалась бѣдная! Прихварывать я начала, Николинъка, кашляю, въ груди давить и хромяя нога пуше прежняго болить. Прощай, Николинъка! Твоя сестра Настя».

И вотъ, лежа, здѣсь подъ небомъ Болгаріи, онъ сердцемъ и душой былъ въ родной Колчедановкѣ. Въ десятый разъ онъ мысленно прочитывалъ Настино письмо, и въ его воспаленномъ воображеніи проносились родныя картины. Вспомнилось ему далекое дѣтство съ его радостями и печальями, но какъ то неясно, смутно и сбивчиво. Хорошо онъ помнитъ себя съ тѣхъ поръ, какъ началъ посѣщать городскую школу. Грамота ему легко давалась: на второмъ году онъ уже въ церкви читалъ. Дьячекъ Антипычъ хвалилъ, батюшка тоже. Вспомнилось ему съ какимъ почетомъ его изъ церкви провожали, когда онъ въ престольный праздникъ апостола прочелъ. Священникъ просфору ему самъ вынесъ. Позовутъ, бывало, въ праздникъ къ батюшкѣ, чаемъ напоить, да и книжки дадутъ домой. «Читай, гово-

рить, Николай, внятно да толково, чтобы и домашніе слушали». И вотъ, бывало, въ длинные зимніе вечера усядется семья, гдѣ кому удобнѣе; нерѣдко изъ сосѣдей кое кто завернетъ. Займется каждый своимъ дѣломъ: отецъ съ Пахомомъ сѣти рыболовныя плетутъ, матушка шерсть мотааетъ, Настенька перья чиститъ, братъ старшій только на печкѣ валялся больше, а онъ усядется на лавкѣ съ ногами, положить на колѣни большую книгу и начнетъ читать. И радостно ему, что парнишка еще, а ужъ такія книги большія читаетъ. Всѣ въ домѣ и дядя Похомъ и тетка Фекла и крестная Варвара его слушаютъ, а онъ читаетъ внятно, толково, звонко, самъ прислушивается къ своему голосу и поддабриваетъ себя. Какіе это счастливые были дни его дѣтства! «А ну ка, Николинъка, обращается къ нему тетка Фекла, прочти ка еще житіе великомученицы Варвары». Николинъка открываетъ книгу поцѣ числомъ и принимается читать. Крестная вслушивается, моргаетъ, смотритъ ему въ ротъ, точно слова ловитъ. «Погоди, Николинъка», останавливаетъ его тетка Фекла, и начинаетъ пересказывать, пояснять прочитанное. Крестная крестится и вздыхаетъ и опять слѣдуетъ чтеніе. Вотъ онъ остановился, оправился и оглянулся на присутствующихъ. «Охъ! грѣхи наши тяжкіе! Охаетъ мать и утираетъ рукавомъ выступившія слезы. Глядятъ на мать тетка и крестная и тоже плачутъ, а старики, насупившись, молча справляютъ свое дѣло. Вотъ онъ кончилъ, закрылъ книгу весь сіяющей, торжествующей. Спасибо тебѣ, касатикъ! спасибо родной! говорятъ старухи. Мать подзоветъ его бывало къ себѣ, приласкаетъ, поцѣлуетъ. «Учись, Николка, учись, умницей будешь».

Померла, померла! шепчутъ его губы и сердце больно сжимается. Онъ машинально ощупываетъ въ карманѣ сюртука Настино письмо, но воспоминанія опять заполняютъ его воображеніе, будятъ въ памяти далекое прошлое. Вспоминаются ему школьныя годы въ городскомъ училищѣ. Не хотѣлъ отецъ отдавать его туда. «Будетъ съ Николки и той грамоты, что въ Колчедановской школѣ получилъ! недостатки наши, работникъ дома нуженъ». Спасибо батюшкѣ о. Амвросію; настояль, самъ въ городъ съезъ, у родственника діакона на жительство помѣстилъ.— «А здорово меня тогда діаконъ отрепалъ, когда я съ его Петрушкой чужихъ голубей ловилъ», непростенно лезетъ ему въ голову случай этотъ изъ далекаго прошлаго.

Въ небесной выси раздался крикъ ночной птицы и замеръ въ воздухѣ. Кузнецовъ оглянулъ просвѣтлѣвшее звѣздное небо, сонный бивуанъ и, осѣ-

нивъ себя крестнымъ знаменемъ, прикрылся шинелью съ головой. Однако, не смотря на большую усталость, заснуть ему не удавалось; самыя разнородныя мысли и воспоминанія осаждали его.

V.

Кузнецовъ! Николаша! проспись!

Кузнецовъ вздрогнулъ и открылъ глаза. Надъ нимъ стоялъ Бекметовъ.

— Что съ тобой? чего ты стонешь, боленъ что ли?

— Не знаю, право, — кошмаръ какой то... душно мнѣ, все тѣло какъ то ноетъ.

Онъ приподнялся, сбросилъ съ себя шинель и, тяжело вздохнувъ, оглянулся кругомъ.

На бивуакѣ кое гдѣ зашевелились, но многіе еще спали; спѣшить некуда было, а потому людей не тревожили. Кузнецовъ теръ лобъ, глаза и съ недоумѣніемъ оглядывался кругомъ. Онъ все еще находился подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ кошмара; ему было какъ то не по себѣ: одновременно жарко и холодно; въ вискахъ стучало, на лбу выступили капли пота.

Бекметовъ усѣлся рядомъ и закурилъ.

— Согрѣться нужно; меня тоже что то морозить; — боюсь какъ бы не прохватило; ноченька холодная была, а утро еще свѣжѣе... Да ты, братецъ, шинель то накинь, не храбрись.

Кузнецовъ одѣлъ шинель. Онъ какъ то весь съезжился.

— Да, правда твоя, согрѣться надо, согласился онъ и поднялся.

— Что за оказія! Ноги дрожать точно у пьянаго. Сходи, Бекметовъ, разбуди Короленка, чтобы кипятку согрѣлъ.

— Ладно, ладно! промолвилъ Бекметовъ и поднялся, только не знаю, осталась ли у насъ романея... поди Шеницынъ всю вылокалъ... Да, скверная штука будетъ...

Черезъ полчаса Кузнецовъ и Бекметовъ согрѣвались уже чаемъ. Скоро къ нимъ присоединилось еще нѣсколько офицеровъ; были и молоденькіе, прибывшіе недавно изъ Россіи: одни принесли коньяку, остатки «кремневой» московской колбасы. Начались разговоры о семъ, о томъ, шутки и каламбуры, такъ обычныя въ бивуачной жизни.

— Позвольте представиться и присоединиться!... Поручикъ Кобуровъ —

полковой адъютантъ. сказалъ быстро подошедшій офицеръ, становясь въ почтительную пору, щелкнувъ шпорами.

— Пожалуйста, проваливай! для насъ нехватка... Видишь.

Бекметовъ взболтнулъ остатками рома въ бутылкѣ.

— А это ты видѣлъ? произнесъ Кобуровъ, вынимая изъ кармана пальто непечатую еще бутылку и вертя его передъ компаніей. Отъ самаго—султана—съ!

— Э, вона! вотъ такъ душка, Кобуровъ, садись, голубчикъ, садись, — гостемъ будешь!

— Сюда, сюда пожалуйста! приглашали одни.

— Нѣтъ—ужъ къ намъ! кричали другіе.

— Ну и бестіи же вы, я вамъ доложу; какъ увидѣли влагу, такъ и ласковы стали, а молоденькіе еще. Да, этотъ предметъ, братцы вы въ мои, трудненько достать теперь, сказалъ Кобуровъ, любовно глядя бутылку.

— Стащилъ должно быть у кого нибудь, сказалъ Бекметовъ.

— А вы не спрашивайте, это даже не деликатно со стороны хозяевъ ..

— Стащилъ, что и говорить...

— Стащилъ, стащилъ! огрызнулся Кобуровъ. Командиръ пожаловалъ; вчера съ транспортомъ доставили: должно быть вѣсти хорошія отъ супруги получилъ,—онъ мнѣ на радостяхъ и приподнесъ. Да, кстати, Николай Ивановичъ, письмо тебѣ было, получилъ? я съ вѣстовымъ послалъ.

— Получилъ, угрюмо отвѣтилъ Кузнецовъ, не принимавшій участія въ общей бесѣдѣ.

— Лучше бы, братецъ, тебѣ такихъ вѣстей не присылать, замѣтилъ Бекметовъ, осиливая туго сидящую пробку.

— Что несчастье какое? освѣдомился Кобуровъ.

— Старушка мать моя померла, да и сестренка плоха, пишетъ... Кузнецовъ замолкъ. По лицу его прошла судорога. Онъ плотнѣе запахнулъ въ шинель, стараясь укрыть отъ чужихъ людей свое ноющее сердце, свое личное горе.

— Ты, Николаша, о сестрицѣ то не горюй—она въ хорошей семьѣ и можетъ поправиться еще. А вотъ о матушкѣ то горевать естественно: мать то родная одна бываетъ!

Кузнецовъ молчалъ, притихла и компанія; невольное сочувствіе къ горю товарища проявилось у каждаго: шутки и каламбуры не шли на языкъ.

— То то, замѣтилъ одинъ изъ компаніи, я видѣлъ, вы сидѣли вчера точно въ воду опущенный...

Мы тамъ котелокъ съ деньщикомъ прилаживали не вдалекѣ; вижу подходитъ вамъ фельдфебель, докладываетъ что то, вы глянули на него, и ни слова! Онъ постоялъ, постоялъ да и ушелъ.

— Тяжело, братцы, что и говорить! вздохнулъ Бекметовъ. Я вотъ въ училищѣ—Кузнецовъ знаетъ, сорви—голова былъ, стрекозой звали,— а какъ получилъ письмо отъ тетюшки, что мать померла, такъ, братцы, мои! ревмя ревѣлъ! потому мать...

— Что же ты, Николаша, согрѣвайся! Бекметовъ налилъ ему стаканчикъ—на лицѣ даже измѣнился, берегись! Какъ бы тебя фонъ-тифъ не посѣтилъ. Я, знаете, продолжалъ онъ, опрокидывая стаканчикъ и передавая сосѣду, какъ скрутилъ меня проклятый тифъ, чуть было Богу душу не отдалъ! Спасибо вотъ Кузнецовъ да сестра милосердія...

— Гдѣ она теперь Наталья Павловна, спросилъ Кузнецовъ, не безъ волненія.

— Да развѣ я тебѣ не говорилъ?

— Нѣтъ, не помню...

— Далеко, братъ, отсюда,—померла бѣдняжка!

Лазаретъ тотъ, какъ ты выписался, скоро закрыли, такъ что она, кажется, была послѣдней жертвой тифа. Ангелъ—женщина! Такую бы Господь въ подруги жизни послалъ! Простая, искренняя, самоотверженная, сердечная... Куда въ сравненіи съ нею наши вертихвостки! закончилъ Бекметовъ съ сердцемъ и швырнулъ въ сторону окуркъ сигары.

Кобуровъ поднялся съ мѣста; его примѣру послѣдовали другіе и компанія разошлась.

— Не здоровится мнѣ, серьезно! сказала Кузнецовъ.

— Ну, въ самомъ дѣлѣ? встревожился Бекметовъ.

— Слабость общая, въ суставахъ ноетъ...

— Такъ то, Николаша, не ходи; ужъ я пойду справлюсь за тебя да когонибудь изъ врачей позову.

Врачъ нашель признаки тифа.

Такъ какъ отрядъ не сегодня—завтра могъ сняться съ бивуака, то рѣшено было отправить Кузнецова въ ближайшій лазаретъ. Бекметовъ просиль командира разрѣшить ему сопровождать больного, но тотъ рѣшительно отказалъ.

— Я вполнѣ цѣню ваши дружескія, товарищескія чувства, сказалъ онъ, но разрѣшить вамъ этого не могу; сами вы знаете, какое теперь время! Вамъ придется принять роту Кузнецова.

Приходилось отправлять больного съ фельдшеромъ и деньщикомъ Короленко. Бекметовъ бѣгалъ, суетился, давалъ инструкціи фельдшеру, спориль съ врачомъ, Кобуровымъ и чуть было не побиль Короленку, который ревновалъ его къ своему барину. Въ простотѣ своей преданной души, деньщикъ полагалъ, что никто такъ, какъ онъ, не сможетъ ухаживать за больнымъ, поить и кормить его.

— Какъ ты смѣешь не исполнять моихъ приказаній, галушка ты гречневая! отродье ты хохлацкое! кипятился Бекметовъ.

Короленку мрачно молчалъ и норовиль поставить на своемъ.

Опасную, трудно излѣчимую болѣзнь вынесъ Кузнецовъ, оправился, вернулся въ свой полкъ, и служиль въ немъ до старости, уважаемый товарищами офицерами и любимый нижними чинами—солдатами. Онъ твердо помнилъ напутственныя, прощальныя слова покойной старушки матери:... «не зазнавайся, Николенька, въ довольствѣ, барствѣ, не забывай Господа Бога! Солдатиковъ жалѣй, уму—разуму учи, въ обиду ихъ не давай»...

Благочинный 2 Гренадерской дивизіи Священникъ Іоаннъ **Щроцкой**.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОТЪ МОСКОВСКАГО ФАБРИКАНТА

ПАРЧЕЙ И ЗОЛОТЫХЪ ТКАНЕЙ

Сергѣя Семеновича МЪШКОВА.

Въ виду громаднхъ поставокъ на ризницы, церковно-служебныя вещи и постояннаго спроса этихъ предметовъ частными лицами для С.-Петербургa и его окрестностей, я нашелъ непремѣнно нужнымъ производить оптово-розничную торговлю въ центрѣ С.-Петербурга. Съ 20-го іюля с. г. съ особо большимъ выборомъ товара открытъ магазинъ мой въ Гостинномъ дворѣ, Перипная лин., № 14. Стоимость парчей и разнаго рода церковно-служебныхъ вещей по расцѣнкѣ моей Фабричной московской конторы. Готовый къ услугамъ С. С. Мѣшковъ.

Содержаніе. Объ отправленіи О. Протопресв. съ 20 авг. по 20 сент. для обозрѣнія церквей Варшавск. воен. округа.—О порядкѣ предст. къ наградамъ старость и ктиторовъ воен. церквей.—Отъ комит. по сооруж. памятника въ ст. Албазинской.—О пожертв. въ пользу вдовъ и сиротъ воен. дух-ва.—Слово на день Рождества Пр. Богородицы.—Отчетъ Ковенскаго братства.—Отрад. случай въ пастыр. дѣятельности воен. священника.—Разсказъ изъ воен. быта.—Объявленіе.

Редакторъ-Издатель, Свящ. **Іоаннъ Таранецъ.**

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, Августа 17 дня 1899 года.

Старшій Цензоръ Архимандритъ *Владиміръ.*

Типографія «Артиллерійскаго Журнала», Фурштатская, № 21.